

УДК 81.114.2:366.543:367.4:367.7:367.332.3:811.161.1
DOI: 10.17223/19986645/53/5

Б.Ю. Норман

«НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ» ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРИ РУССКОМ ГЛАГОЛЕ¹

Объектом статьи являются высказывания в русском языке, в которых присутствие дополнения в дательном падеже не вытекает из семантики предиката и не предусмотрено структурой синтаксической модели. Даются две возможные интерпретации этого феномена: через развитие у глагола вторичного (переносного) значения и через семантико-синтаксические преобразования фразы (контаминацию моделей). Оба механизма, взаимодействующие в речевой деятельности говорящего, позволяют воплотить сложные семантические структуры в компактных речевых единицах.

Ключевые слова: глагол, валентность, дательный падеж, высказывание, семантическая роль, лексическое значение, контаминация, интерпретация.

Нас путает синтаксис. Все именительные падежи следует заменить указующими направление дательными.

О. Мандельштам. Разговор о Данте

В книге Корнея Чуковского «От двух до пяти» приводится такой обмен репликами:

– Ну, Ньюра, довольно, не плачь!

– Я плачу не тебе, а тете Симе!

Этот диалог всегда забавлял нас, потому что мы видели в нем проявление наивной детской психологии. Плач как естественное для человека выражение отрицательной эмоции (огорчения, обиды, расстройства), оказывается, может иметь своего адресата. И маленькая девочка ведет себя как опытная актриса, адресуя свои слезы конкретному зрителю.

Но с лингвистических позиций выражение *плакать кому-либо* заслуживает специального внимания и выводит нас на особые случаи употребления в текстах имени в дательном падеже.

Дательный падеж – один из самых редких в русской речи. В разговорной речи он делит последние по употребительности места с творительным и предложным, а в научных и политических текстах доля его вообще крайне мала. Его частотность там «сокращается медленно, но неуклонно» и к середине прошлого века уже опустилась до 3–6% [1. С. 51, 57]. Это, естественно, ставит вопрос о функциональном диапазоне данного падежа и

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–02005).

о том сегменте, который соответствующие семантические операторы (актанты) занимают в речемыслительной деятельности.

В известной работе Р. Якобсона «*Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*» дательный отнесен к периферийным падежам: он, по словам ученого, «указывает на периферийное положение предмета... и на подверженность предмета действию» [2. С. 157]. И в несколько более поздней статье Е. Куриловича поддерживается точка зрения на дательный падеж как на обстоятельственный, «конкретный», в противопоставлении падежам грамматическим – номинативу, аккузативу, генетиву [3. С. 183–184]. Любопытно, что чешский автор И. Заичкова не соглашается с такими квалификациями и показывает, что для беспредложного дательного в русском языке «грамматическая функция приобретает все большее значение» [4. С. 77].

С тех пор как в середине XX в. семантический синтаксис оформился в отдельное направление лингвистической науки, одной из основных его проблем стало исчисление семантических функций (ролей), реализующихся у человека в ходе речемыслительной деятельности. Эти функции имеют у разных авторов разное терминологическое обозначение и выделяются с разной степенью подробности; поэтому и количество их различно.

Основные функции беспредложного дательного падежа в русских текстах можно сгруппировать следующим образом.

А. Адресат действия, или его Получатель. Наличие такого актанта типично для глаголов речи, передачи информации: *говорить, отвечать, обещать, возражать, объяснять, рассказывать, напоминать, завещать, грубить* и др. – рядом с каждым из них можно (и даже нужно) подставить «кому». Данная позиция заполняется преимущественно существительными и местоимениями, обозначающими живое существо: *Петру, моей сестре, тебе, всем вам*. Это свободная синтаксема, по Г.А. Золотовой [5. С. 5], т.е. она может выступать и в качестве автономного высказывания (заголовка, посвящения и т.п.). Некоторые авторы говорят об Адресате, когда речь идет об информации, о Получателе, если речь идет о предмете, и о Бенефицианте – «участнике действия, не направленного непосредственно на него, но такого, от которого он может получить пользу или пострадать» [6. С. 372]. Заметим, что в принципе Получатель и Бенефициант могут представлять различных лиц (ср.: *Я принес Петру книгу для Маши*), но чаще одно и то же лицо совмещает в себе эти две роли: *принести книгу Петру = принести книгу для Петра*.

Детализация ролей здесь может быть и еще более дробная. Так, А. Муштайки в рамках обобщенной семантической роли Реципиента («актанта, который что-то получает или в пользу которого что-то делается») допускает наличие подтипов Получателя, Слушающего, Предполагаемого получателя и Бенефицианта [7. С. 168–173]. Четыре подтипа различает и М.В. Всеволодова среди «адресатных ролей»: это собственно Адресат (получатель информации), Реципиент (получатель материального объекта), Бенефициант (заинтересованное лицо, получающее в результате моральную или материальную выгоду или ущерб) и Дестинатив-1 (лицо или предмет, которому что-то предназначается) [8. С. 145–146]. Но главное –

все эти смежные семантические роли могут быть выражены в русском языке дательным падежом!

Б. Субъект состояния. Это обусловленная синтаксема, выступающая при некоторых глаголах или предикативах, обозначающих психическое (ментальное, сенситивное, эмоциональное) или физическое состояние: *Маше послышался звонок; Старику не спится; Нам не до смеха; Доброе слово и кошке приятно; Мне грустно потому, что весело тебе* и т.п. (Другое название для этой семантической роли – Экспериенсер.) Естественно, и здесь в форме датива обычно выступают названия живых существ. И даже если актант в дательном падеже здесь опущен, он все равно имплицитно присутствует (*Не спится*) или же выражается иной, замещающей формой (*Здесь холодно*). Вообще имени в дательном падеже, выполняющему роль семантического субъекта, синтаксисты уделяют в последнее время особое внимание. Возникает даже зонтичный термин «дативные предложения» [9, 10].

В. «Субъект потенциального действия, бытия» [5. С. 118]. Само же «предсказуемое» действие или состояние выражается при этом обычно инфинитивом: *Нам рано вставать; Ирине в четверг дежурить; Не догнать тебе бешеной тройки; Я знаю – саду цвести*. Некоторые авторы находят в подобных оборотах «сопряженную» семантическую роль «Субъект действия / адресат (косвенный объект)» [11. С. 168–169]. Смысловый диапазон таких инфинитивных предложений весьма широк: это наказ, пожелание, предположение, возможность, необходимость, неизбежность и т.п. Ю.Д. Апресян, комментируя конструкции типа *Саду цвести* или *Вам не видать таких сражений*, пишет, что они характеризуются «определенной модальной рамкой. Ее можно сформулировать следующим образом: «Говорящий убежден в неизбежности события». Если такое высказывание касается не говорящего, а адресата или третьего лица, оно приобретает силу предсказания» [12. С. 143]. А. Вежицкая описывает эти конструкции следующим образом: «Одни передают значение ‘беспомощного хотения’, другие – значение ‘бессильного желания или неясного предчувствия’, третьи – ‘обязанности’, четвертые говорят о бесплодных раскаяниях или сожалениях, пятые – о необходимости» [13. С. 358]. И хотя сама Вежицкая старается разграничить в общих чертах «предложения обязанности» и «предложения необходимости», понятно, что развести частные случаи, вроде «беспомощного хотения» и «бессильного желания» – крайне трудно. Ирреальная модальность представляет собой некий континуум, при определенных дискурсивных условиях выгодный для носителя языка [14. С. 313–315]. Так, для стихотворных текстов подобная семантическая «размытость» вполне естественна, ср.:

Листьям последним шуршать!

Мыслям последним томиться!

Я не хотела мешать

Тому, кто привык веселиться.

А. Ахматова. Обман

Г. **Второй участник ситуации (отношения).** Г.А. Золотова именует его «отправным предметом сопоставления» и, в другом месте, «коррелятивом» [5. С. 121–123, 431]. Данная функция встречается при таких глаголах, как рус. *соответствовать, противоречить, мешать, подходить, сопутствовать, способствовать, потворствовать, завидовать, поддаваться, уподобляться, равняться, причащаться, подражать, предшествовать* и др. Ю.Д. Апресян в рамках такого второго участника ситуации различает роли Контрагента (при активных отношениях) и Объекта² (при пассивных, ничего не меняющих отношениях) [6. С. 373–374]. Но разграничить их на практике не всегда легко, ср. примеры: *Вадик подражает старшему брату; Сосед изменяет жене; Шум мешает работе; Учебе сопутствуют трудности; Ей идут шляпки; Факты не поддаются объяснению* и т.п. Активность или пассивность участника, так же как степень его «изменчивости», неочевидна.

Д. **Посессор, т.е. субъект обладания** (по отношению к предметам, составляющим личную сферу: частям тела, одежде и т.п.). Это совершенно естественная ситуация при глаголах *трогать, крутить, гладить, мыть, целовать, чесать, ломать, разорвать* и т.п.: глагольное действие направлено на некоторый объект, а актант в дательном падеже называет человека или животное – «хозяина» этого объекта. Примеры: *Осторожно, ты сломаешь ребенку ножку; Кавалер поцеловал даме руку; Сестра погладила ему плечо; Пришей мне пуговицу*. Причем это не то же самое соотношение, какое имеет место между целым и частью. (Нельзя сказать по-русски: **Осторожно, ты сломаешь вазе ножку* или **Сестра погладила рубашке воротник*.)

Уже из краткого комментария к перечисленным пяти основным функциям видно, что каждая семантическая роль предъявляет свои требования к лексической семантике слов, заполняющих соответствующую позицию. Чаще всего для дательного падежа существительного это обозначение человека и вообще живого существа. Именно соблюдение или несоблюдение данного условия позволяет нам оценивать приведенные выше примеры как вполне узуальные, соответствующие языковой норме, а нижеследующие – как окказиональные, представляющие собой речевой креатив. Разумеется, дательный падеж и в них исправно выполняет свои функции, но отсутствие изосемии между грамматическим и лексическим значением обращает на себя внимание читателя и заставляет подозревать тут особые прагматические сверхзадачи.

– **Пище** вариться некогда, – сказал Шумилин. – Пора уж на партсобрании идти... (А. Платонов. Чевенгур).

Ключ не слушался меня.

– Ну, ну, спокойней, – сказал я **ключу**, – спокойнее, говорю я тебе. Все в порядке (Л. Зорин. Старая рукопись).

Огурцу больно и обидно, когда его надкусывают (Ю. Казарин. Культура поэзии).

Осенняя печаль –
Теперь **пылать** печам

И в проруби **позвякивать** ведру...

Ю. Левитанский. За летом листопад

Встрече идет густой снег.

Разлуке к лицу свирепый ветер.

В. Павлова. Письма в соседнюю комнату

Современная лингвистическая теория требует различать валентность семантическую и синтаксическую [15. С. 140–142]. Однако между собой они определенным образом связаны. В частности, можно считать, что обязательный объект при глаголе есть не просто его формальный (синтаксический) признак, но, по сути, проявление его семантики. Тогда ничего удивительного нет в том, что наличие или отсутствие имени в дательном падеже при глаголе уточняет, детализирует значение последнего. Достаточно сравнить особенности синтаксического поведения у некоторых лексико-семантических вариантов многозначных русских глаголов – и мы сразу оценим этот важный дифференциальный признак. ср.:

*следовать*₁ (в Москву) и *следовать*₂ (советам);

*выговаривать*₁ (звуки) и *выговаривать*₂ (подчиненному);

*мешать*₁ (кашу) и *мешать*₂ (прогрессу);

*служить*₁ (поваром) и *служить*₂ (интересам);

*звонить*₁ (в колокола) и *звонить*₂ (другу).

Если глагол, для которого управление дательным падежом не характерно, все же появляется в тексте именно с таким синтаксическим партнером, то проще всего объяснить подобный синтаксический окказионализм сдвигом в лексической семантике глагола. Приведем несколько примеров с соответствующим комментарием:

В следующем году Демьян Бедный писал для радио пьесу «Утильбогатырь», и я **ему** консультировал (М. Ройзман. Все, что помню о Есенине).

Здесь *консультировать кому-то* появляется по аналогии с *помогать кому-то*, *содействовать кому-то*, *давать советы кому-то* и т.п. Возможно, *консультировать кому-то* воспринимается читателем как оказание более мелких услуг, чем те, которые имелись бы в виду в случае *консультировать кого-то* (ибо там, в сочетании с прямым объектом, ощущалась бы связь с *опекать*, *поддерживать*, *направлять* и т.п.).

– Почему Москва, а не Ленинград? – спросил Николай Иванович и рассердился **своему вопросу**: не все ли ему равно, где будет жить Саня! (Б. Золотарев. Простое окончание).

Рассердиться можно на *кого-либо* или *что-либо*, именно такой тип управления фиксируют толковые словари русского языка. Но за словосочетанием *рассердился своему вопросу* явно просматривается влияние другого глагола: *удивиться (чему)*. Выходит, Николай Иванович сам от себя не ожидал такого вопроса, потому и остался собою недоволен...

Например, вчера он, можно сказать, смягкотельничал **плановичке** отпуск в летний период (М. Андраша. Воспоминания бывшего ребенка).

Неологизм *смягкотельничать* означает «проявить мягкотелость»; никаких объектных характеристик языковая система у него не предусматривает. Но *смягкотельничать кому-то что-то* проецируется в сознании носителя языка на большую группу русских глаголов – *устроить, предоставить, разрешить, выделить* и т. п., действие которых как раз предполагает наличие адресата.

...Но прошлое возьмет и сквозь приятельство
подсунет его давнее предательство,
и пакостно от этой старой новости.
А я забыл **ему**.
Я поздоровался.

Е. Евтушенко. Прошлое

Забыл ему – это как *простил ему*: явный случай влияния семантики парадигматически близкого глагола. Вместе с тем можно говорить о том, что в сочетании с дательным дополнением у *забыть* появляется особый оттенок, «наводящийся» не названным, но подразумеваемым *простить*.

Все рассмотренные примеры можно трактовать как проявления формального выравнивания по аналогии, уходящего корнями в общий принцип языковой системности: «Одно значение – одна форма». Глагол, окказионально или узואльно переходя из одной лексико-семантической группы в другую, принимает на новом месте и синтаксические условия употребления, характерные для новой группы.

Однако достаточно ли предложенного объяснения для всех случаев появления в высказывании объекта в дательном падеже, не вытекающего из семантики предиката? Некоторые примеры заставляют усомниться в силе такой «лексико-семантической» интерпретации. И для них больше подходит другое объяснение – апелляция к процессам семантико-синтаксических преобразований, происходящих в сознании говорящего. Возьмем для начала пример:

Я учился **траве**, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать.
А. Гарковский. Я учился траве...

Учиться можно музыке, русскому языку, столярному делу и т.д. – это значит ‘набираться знаний’, приобщаться к некоторой интеллектуальной сфере. А *траву* как природный объект можно изучать, исследовать. *Учиться* и *изучать* различаются не столько составом своих лексических сем, сколько особенностями синтаксического поведения. И в высказывании *Я учился траве* можно усмотреть смешение этих особенностей: *учиться чему-то* (например, *музыке*) и *изучать что-то* (например, *траву*).

Еще один пример.

Вот тогда я и скажу: «Товарищ Буденный, позвольте **вам** познакомить моего друга Василия Семеновича Зыкова...» (Л. Пантелеев. Зеленые береты).

В контексте просторечия («мово друга») сочетание *позвольте вам познакомить* воспринимается как случайная оговорка или же непроизвольная контаминация из *позвольте вам представить* и *позвольте вас познакомить* с... Но понятно, что в глубине данного речевого сбоя лежит взаимодействие разных единиц языковой системы, и дательный падеж – «след» другой конструкции.

Как возникают такие казусы? Дело в том, что говорящий в процессе речевой деятельности пользуется определенной свободой, и синтаксическая модель в его устах (или «под его пером») может претерпевать какие-то изменения: одни актанты, образующие ее состав, могут опускаться (элиминироваться, не реализовываться), другие, наоборот, примысливаться, «наводиться» извне, появляться уже в ходе реализации модели говорящим. Данное явление, кроме практических интерпретационных аспектов, обращивается и серьезным методологическим вопросом: сохраняет ли в таком случае синтаксическая модель идентичность самой себе?

Т.Б. Радбиль среди разнообразных языковых аномалий находит место и для «избыточной валентности». Он показывает, что примеры типа *Я теперь скоро умру к тебе* «могут возникать в результате контаминации», из сложения более простых фраз *Я скоро умру* и *Я скоро уйду к тебе* [16. С. 340]. Но заметим, что смешение синтаксических моделей наступает именно в ходе речепроизводства, поэтому такую аномалию правильнее было бы считать не языковой, а речевой.

В данном случае мы обратим внимание именно на те случаи, когда синтаксический объект, представленный в высказывании именем в беспредложном дательном падеже, не зависит от сочетаемостных (валентностных) свойств глагола. Он как бы навязывается этому глаголу со стороны. Назовем такой датив *необязательным* или *избыточным*. Примеры:

...Лосев вынес вопрос на исполком, привлек депутатов и показал, что больница никакая не передовая, а невозможная для пребывания. Молодежь сняла **ему** фильм, где были плесень и подтёки на стенах, вросшие в землю бывшие конюшни, холод в палатах... (Д. Гранин. Картина).

Фильм снимают, имея в виду будущего зрителя. Но это – отдаленная перспектива. В данном же случае фильм снимался для конкретного человека, в его интересах, даже, может быть, по его заказу. И смысл фразы *Молодежь сняла ему фильм* – это ‘молодежь сняла фильм + фильм был предназначен ему (для него)’.

Луна вмёрзла в тонкое облако, смотрит из-под льдины. Звезда молчит **звезде** (М. Шишкин. Венерин волос).

Ситуация молчания, конечно, может быть адресована кому-то (как знак обиды, равнодушия, непонимания и т.п.). А о том, что звезда в принципе

способна «говорить», просвещенному читателю может напомнить аллюзия с лермонтовской строкой *И звезда с звездою говорит*. Но в принципе молчание – «плохой» знак: оно амбивалентно, а в обычном случае не несет в себе никакой семиотической подоплеки, представляя собой естественное состояние ничего не говорящего субъекта. Поэтому высказывание *Звезда молчит звезде* может быть истолковано примерно так: ‘звезда молчит, и другой звезде ничего не говорит’. Поэтический взгляд на мир вполне допускает такую ситуацию, а синтаксическое стяжение объединяет две пропозиции в одну структуру.

Увы, теперь поля, леса и дороги пахнут **автору** слабо. Огрубилось обоняние... (Э. Лимонов. «...У нас была великая эпоха»).

Глагол *пахнуть* ‘источать запах’ не предполагает наличия адресата: это – ненаправленное действие. И то, что у него окказионально такой актанта появляется, заставляет читателя по-новому осмыслить ситуацию: человек воспринимает нечто происходящее в мире как имеющее к нему прямое отношение, как вторгающееся в его внутренний мир и несущее ему сообщение. Данный смысл можно представить примерно так: ‘поля пахнут + так кажется автору’.

Послonyaвшись по дому и затопив **жене** плиту, он вышел прогуляться... (А. Битов. Жизнь в ветреную погоду).

Действие *затопить плиту* не подразумевает никакого адресата. Но дальний объект *жене*, «примысленный» к синтаксической структуре, скрывает за собой вторую пропозицию. Следовательно, перед нами опять пример синтаксического стяжения, контаминации: ‘он затопил плиту + он сделал жене приятное (оказал жене услугу)’.

НИНА. ...Закрой вьаклку. Шустрый, как вода в унитазе. Наготовила, накрыла, **переделась ему**, а он – чистыми руками, чистыми руками... Наелся? (Н. Коляда. Мы едем, едем, едем...).

Действие глагола *переодеться* замыкается рамками самого субъекта: *она переделась* (*во что* или *для чего* не входят в обязательное окружение этого предиката). Но у этого акционального и целенаправленного действия появляется адресат (строже говоря, бенефициант). Оборот *переделась ему* означает: ‘переделась + хотела понравиться ему’ (т.е. сделала это для него).

А что природа делает без нас?

Кому тогда блистает снежный наст?

А. Володин. Графоман

В стихотворении А. Володина (использованном в кинофильме «Осенний марафон») речь идет о природном явлении: ослепительном блеске снежного покрова. Этот блеск, существующий сам по себе, может, однако, резать глаза прохожему либо быть кому-то приятным или неприятным.

И вот две пропозиции – утвердительная и вопросительная – сливаются в одной структуре: ‘снежный наст блистает + кому на это смотреть?’.

Анализ приведенных примеров показывает, что «приписываемый» к синтаксической модели чужой (редундантный) актант является, как правило, представителем другой модели. Следовательно, высказывания с необязательным дательным падежом должны быть интерпретированы как результат контаминации, неправомерного смешения двух моделей и объединения соответствующих пропозиций. Внутренняя противоречивость данного явления очевидна. С одной стороны, перед нами случаи нарушения языковой нормы. С другой стороны, они находятся в русле заметной для русского языка в последние годы тенденции к «упаковке» информации в компактные языковые структуры [17].

Белорусский исследователь В.В. Мартынов среди фундаментальных свойств языка находил и такое, как неопределеннозначность. И обосновывал его следующим образом:

«Неопределеннозначность выражений естественного языка связана в той или иной мере с его принципиальной эллиптичностью, т.е. пропуском важных уточняющих элементов высказывания... Одним из эффективных приемов снятия эллиптичности является постулат однообъектности. Согласно этому постулату, глагол управляет одним и только одним объектом. Во всех случаях, когда объектов два и более, соответствующие управляющие глаголы опущены» [18. С. 85].

И далее ученый иллюстрировал эти теоретические положения как раз ситуацией с дательным падежом в русских высказываниях:

«Рассмотрим один пример, подтверждающий справедливость этого постулата. Во фразе *Маша пишет письма дедушке* управляющий глагол один, а объектов управления два. Дательный падеж словоформы *дедушке* указывает на пропуск глагола, управляющего этим падежом (типа *посылать*), поэтому приведенную фразу следует понимать как «Маша пишет письма (и посылает их) дедушке». Только фразовой эллиптичностью можно объяснить то, что среди словарных значений глагола *писать* встречается значение и «посылать письма», явно не свойственное этому глаголу. Большинство избыточных словарных значений объясняется именно таким образом» [Там же].

Мы видим, что в рамках данной концепции второе из предложенных нами объяснений появления «необязательного» (избыточного) дательного падежа абсолютизируется. И действительно, приводившиеся ранее примеры выравнивания глагольного управления по аналогии с другими глаголами можно объяснить через «восстановление» второго глагола. Например, *я ему консультировал* можно интерпретировать как «я ему [помогал и] консультировал [его]» *Николай Иванович рассердился своему вопросу* значит «Н.И. [удивился] своему вопросу [и] рассердился [на себя]»; *Я забыл ему* – «Я [простил] ему [его проступок и] забыл [обиду]» и т.д. Однако трудно не заметить сложности такого объяснения. Главное же – заметим, что лексическая семантика глагола представлена у В.В. Мартынова как неизменная

ментальная сущность: она задана раз и навсегда. В то же время в речевой практике слово многогранно и динамично. Говоря словами известного нейролингвиста, «семантика должна быть полисемичной, потому что возникает в результате поиска такого нового значения, которое проявляется при встрече с другим словом» [19. С. 96]. Тем самым мы вполне допускаем, что необязательный дательный падеж может появиться при глаголе и как результат семантических метаморфоз.

Кроме рассмотренных выше ситуаций, дательный падеж в русском языке встречается, как известно, еще при самых разных глаголах в экспрессивных контекстах: это так называемый дательный этический [4. С. 62–71]. Такая падежная форма тоже никоим образом не соотносится с семантикой глагола: она служит знаком целой ситуации (возмущения, несогласия, отстранения, замыкания в сфере субъекта и т.п.). Несколько литературных иллюстраций:

Картина понравилась и Калине Ивановичу.

– Вот видите, как хозяева живут? Тут **тебе** живут аккуратные люди.

– Да, – неохотно согласился Шере (А.С. Макаренко. Педагогическая поэма).

– Я не спал.

– Я посплю **вам!** Я **вам** посплю, дьяволы! Вы у меня ишо скирдовать в ночь будете (В. Шукшин. Земляки).

– Не ваше дело, гражданин, – огрызнулся милиционер. – Прошу пройти отседа.

– Я вот **тебе** сейчас пройду отседа, – сказал Федор Иванович, начиная злиться на бездеятельность людей... (В. Конецкий. Над белым перекрестком).

Стоит заметить, что дательный этический образуется именно от личных местоимений, но не от существительных; это еще одно проявление внутренней связи между семантикой синтаксической позиции и лексическим значением слова, ее заполняющего.

«Необязательный» дательный падеж не остается без внимания стилистов и литературных редакторов. В давней уже публикации «Литературной газеты» (20 июня 1973 г.) подвергался критике текст популярной песни Арно Бабаджаняна «Воскресенье». В нем говорилось: *Пусть всегда нам светится Счастья огонек!* И критик возмущался:

Но позвольте! Если «светится», то ни к чему употреблять слово «нам», но уж если «нам», то должно быть не «светится», а «светит!»

Литературный критик, естественно, отстаивает интересы литературной нормы. Но дательный объект в обособлении от глагола, как мы видели, не случайное и уникальное явление. Он воплощает в себе общую тенденцию к автономии, свойственную падежной форме в структуре высказывания [20. С. 125–143]. А стремление к «сепаратизму» для словоформы в составе

высказывания, в свою очередь, сигнализирует переход к особому способу организации фразы – к «актуализирующему» синтаксису [21. С. 10–13].

Впрочем, как и любое языковое явление, балансирующее на грани нормы, «необязательный» датив может использоваться в художественных текстах сознательно – в качестве приема. Приведем начало иронического стихотворения минского автора А. Калюты, в котором данный феномен абсолютизируется и рассчитан на то, чтобы вызвать у читателя улыбку:

Послушай **мне** песню, подруга,
Мороз чтоб по коже прошел!
Услышь **мне** за окнами вьюгу –
И станет в тепле хорошо.

Я рад, когда **мне** из стакана
Ты выпьешь холодный кефир,
А ты голодна если станешь –
Я съем **тебе** плов или сыр.

Ты выучи **мне** попрестижней
Язык очень трудный – терпи!
Закончи **мне** Оксфорд. В Париже
В Сорбонну ты **мне** поступи...

Если избыточный, не вытекающий из свойств модели дательный падеж способен уже приобретать функцию художественного (во всяком случае, стилистического) средства, то это значит, что его невозможно списать за счет речевых ошибок и неудач. Наоборот, данный феномен представляет собой интересный случай речевой реализации синтаксической модели в конкретных дискурсивных условиях. Как мы попытались показать, его появление можно объяснить двумя способами: или через сдвиг в лексической семантике управляющего глагола, или через процессы синтаксического преобразования (в частности, через сложение пропозиций и контаминацию соответствующих моделей).

По сути, эти два механизма речевой деятельности подразумевают друг друга и взаимодействуют. Корни возможной двойной интерпретации интересующего нас явления уходят в особую природу глагола. Глагольный предикат концентрирует в себе свойства синтаксической модели и является, как давно было отмечено, ее полноправным репрезентантом. Так, задаваясь вопросом, относятся ли обстоятельства ко всему предложению или только к сказуемому, Е. Курилович в свое время замечал: «С точки зрения грамматики это одно и то же, поскольку сказуемое функционирует как член, репрезентирующий все предложение» [22. С. 42].

Таким образом, словоформа в беспредложном дательном падеже, за которой стоит широкий диапазон семантико-синтаксических функций, обнаруживает в процессе речепроизводства значительную свободу поведения. Встречающийся в русских текстах «необязательный» датив участвует в образовании семантически сложных, но формально компактных структур,

а изучение этого феномена выводит нас на общие проблемы развития лексики и синтаксиса русского языка.

Литература

1. Никонов В.А. Статистика падежей русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1959. № 3 (10). С. 45–65.
2. Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 133–175.
3. Kuryłowicz J. Zagadnienie klasyfikacji przypadków // Kuryłowicz J. Studia językoznawcze. Warszawa : PWN, 1987. S. 181–184.
4. Заичкова И. Дательный беспредложный в современном русском литературном языке. Praha : Universita Karlova, 1972. 91 с.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М. : Наука, 1988. 440 с.
6. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2010. 408 с.
7. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. М. : Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
8. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 502 с.
9. Гришина Н.И. Дативные предложения в парадигматическом аспекте. М. : Альфа, 2002. 198 с.
10. Zimmerling A. Dative subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian // Formal Slavistics. 2008. Vol. 7. URL: https://www.academia.edu/12943767/Dative_Subjects_and_Semi-Expletive_Pronouns_in_Russian (дата обращения: 06.02.2018).
11. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М. : Языки славянских культур, 2011. 488 с.
12. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995. 767 с.
13. Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М. : Языки славянских культур, 2011. 568 с.
14. Норман Б.Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 464 с.
15. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
16. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М. : Изд. Дом ЯСК, 2017. 592 с.
17. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (слово-сочетание). М. : Просвещение, 1966. 156 с.
18. Мартынов В.В. Принципы объективной семантической классификации // Реализационный аспект функционирования языка. Минск, 1995. С. 83–92.
19. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 158 с.
20. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М. : Флинта: Наука, 2013. 254 с.
21. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М. : Высш. шк., 1990. 168 с.
22. Kuryłowicz J. Podstawowe struktury języka: grupa i zdanie // Problemy składni polskiej. Studia, dyskusje, polemiki z lat 1945–1970 / red. A.M. Lewicki. Kraków : PWN, 1970. S. 37–50.

THE “REDUNDANT” DATIVE CASE WITH THE RUSSIAN VERB

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 53. 61–74. DOI: 10.17223/19986645/53/5

Boris Yu. Norman, Belarusian State University (Minsk, Belarus), Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: boris.norman@gmail.com

Keywords: verb, valency, Dative case, utterance, semantic role, lexical meaning, contamination, interpretation.

The article determines the place of the Dative case in the system of Russian cases, taking into account the works of R. Jakobson, E. Kurilovich, and others. Five of its main semantic-syntactic functions are indicated in the article: an addressee, a subject of the state, a subject of potential action, a subject of the relationship and a possessor. Each semantic role has its demands on the lexical semantics of words which fill the corresponding syntactic position. Most often, for the Dative case of a noun, this is naming a human and, in general, a living being. It is observance or non-observance of this condition that allows us to evaluate some speech examples as completely usual ones, corresponding to the language norm, and others as occasional, representing speech creativity.

The main object of the article is statements in the Russian language in which the presence of an object in the Dative case does not follow from the semantics of the predicate and is not provided for by the structure of the syntactic model. It is about examples of the type *Ya plachu ne tebe, a tyote Sime* [I'm crying not for you, but for Aunt Sima]. Two possible explanations for this phenomenon occur in the speech activity of the speaker: through the development of the verb of a secondary (figurative) meaning and through the semantic-syntactic transformation of the phrase (blending of models).

In the first case, the verb, passing from one lexical-semantic group to another, also accepts the syntactic conditions of usage which are typical for the new group (for example, *zabyt' komu-to* in the meaning of "forgiving someone").

In the second case, utterances with an optional Dative case are interpreted as a result of blending, inappropriate mixing of the two models and the combination of the corresponding propositions. For example, the phrase *On zatopil zhene plitu* [He lit his wife a stove] means "He lit the stove + he did his wife a favour." Theoretical positions are illustrated in the article by quotations from Russian fiction. On the one hand, we face violations of the linguistic norm.

On the other hand, they follow the important tendency in the Russian language to "pack" information into compact language structures.

It is shown that the word form in the Dative case, behind which there is a wide range of semantic-syntactic functions, possesses considerable freedom of behavior in speech production. Cases of the use of an optional Dative object, which occur in Russian texts, lead to the formation of semantically complex, but formally compact structures. The study of this phenomenon leads us to general problems of the Russian syntax development.

References

1. Nikonov, V.A. (1959) Statistika padezhey russkogo yazyka [Statistics of Russian cases]. *Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika – Machine Translation and Applied Linguistics*. 3 (10). pp. 45–65.
2. Jakobson, R. (1985) *Izbrannye raboty* [Selected writings]. Moscow: Progress. pp. 133–175.
3. Kuryłowicz, J. (1987) Zagadnienie klasyfikacji przypadków [The problem of classification of cases]. In: Kuryłowicz, J. *Studia językoznawcze* [Linguistic studies]. Warsaw: PWN.
4. Zaichkova, I. (1972) *Datel'nyy bespredlozhnyy v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Dative case without preposition in modern standard Russian]. Prague: Universita Karlova.
5. Zolotova, G.A. (1988) *Sintaksicheskii slovar'*. *Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary. The repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow: Nauka.

6. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2010) *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeystvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of Russian syntax. An interaction of grammar and dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
7. Mustajoki, A. (2006) *Teoriya funkcional'nogo sintaksisa. Ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam* [The theory of functional syntax. From semantic structures to language units]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Vsevolodova, M.V. (2000) *Teoriya funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoy (pedagogicheskoy) modeli yazyka* [The theory of functional-communicative syntax. Part of the applied (pedagogical) model of the language]. Moscow: Moscow State University.
9. Grishina, N.I. (2002) *Dativnye predlozheniya v paradigmaticheskom aspekte* [Dative sentences in paradigmatic aspect]. Moscow: Al'fa.
10. Zimmerling, A. (2008) Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian. *Formal Slavistics*. 7. [Online] Available from: https://www.academia.edu/12943767/Dative_Subjects_and_Semi-Expletive_Pronouns_in_Russian. (Accessed: 06.02.2018).
11. Bondarko, A.V. (2011) *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the grammatical system]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
12. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected writings]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
13. Wierzbicka, A. (2011) *Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
14. Norman, B.Yu. (2017) *Pragmatischenkiy potentsial russkoy leksiki i grammatiki* [Pragmatic potential of Russian lexis and grammar]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
15. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: URSS.
16. Radbil', T.B. (2017) *Yazyk i mir. Paradoksy vzaimootrazheniya* [The language and the world. Paradoxes of reciprocal reflection]. Moscow: YASK.
17. Shvedova, N.Yu. (1966) *Aktivnye processy v sovremennom russkom sintaksise (slovochetanie)* [Active processes in the syntax of modern Russian (word-combination)]. Moscow: Prosveshchenie.
18. Martynov, V.V. (1995) *Printsipy ob'yektivnoy semanticheskoy klassifikatsii* [Principles of objective semantic classification]. In: *Realizatsionnyy aspekt funktsionirovaniya yazyka* [Realizable aspect of the functioning of language]. Minsk: Vecherniy fakul'tet inostrannykh yazykov.
19. Zhinkin, N.I. (1982) *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as an information conductor]. Moscow: Nauka.
20. Norman, B.Yu. (2013) *Kognitivnyy sintaksis russkogo yazyka* [A cognitive syntax of Russian language]. Moscow: Flinta–Nauka.
21. Akimova, G. N. (1990) *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [News in the syntax of modern Russian]. Moscow: Vysshaya shkola.
22. Kuryłowicz, J. (1970) Podstawowe struktury języka: grupa i zdanie [Basic language structures: word-combination and sentence]. In: Lewicki, A.M. (ed.) *Problemy składni polskiej. Studia, dyskusje, polemiki z lat 1945–1970* [Problems of Polish syntax. Studies, discussions, polemics from 1945 to 1970]. Kraków: PWN.